

Текст · 1 мая 2022, 12:44

Военный судья. История Ивана Мищенко, который с началом вторжения сменил мантию на камуфляж и ушел защищать Киев

Однажды днем перед моим отелем в Киеве припарковался неприметный внедорожник. Внутри сидели трое мужчин в форме Вооруженных сил Украины. Они предложили мне и Владимиру Сологубу, моему украинскому коллеге, расположиться на заднем сиденье.

Мы ехали по опустевшим киевским улицам во время 36-часового комендантского часа — мэр Кличко тогда вводил его в ожидании усиления российских обстрелов города. Между бетонными жилыми домами советской постройки гуляло эхо от ударов вражеской и оборонительной артиллерии, и понять, откуда велась стрельба и куда попадет следующий снаряд, было невозможно.

Ивану Мищенко сорок лет, у него трое детей и немного седины в бороде. Он сидел за рулем; на спинке сиденья болталась вешалка для костюма. Из-за его невозмутимого спокойствия казалось, будто другим двум парням из той машины он был как отец. Мищенко — один из двух сотен судей Верховного суда Украины. Последний месяц он служит в отряде киевской территориальной обороны, который при помощи обычных гражданских дронов пытается отслеживать позиции российских войск.

На переднем сиденье — его сослуживец, 24-летний активист Роман Ратушный, занимавшийся борьбой с коррупцией. Впервые они встретились в зале суда: Ратушный пытался остановить застройку жилыми высотками одного из крупных киевских парков, а Мищенко был судьей. Третий в машине — высокий улыбчивый парень с бритой головой, который представился «Сержантом». Ему 28 лет, и из этой троицы он единственный до войны служил в армии.

Это наскоро сбитое подразделение — типичный пример того, как украинцы массово объединяются, чтобы помочь армии в военное время. Еще до того, как Владимир Путин отдал приказ о вторжении, отправив 150 тысяч военных с танками и тяжелой техникой через границу, чтобы свергнуть демократически избранное правительство Украины, президент Владимир Зеленский призывал украинцев записываться в силы территориальной обороны. Судья Мищенко стал одним из примерно 100 тысяч вступивших в тероборону, чтобы воевать, охранять блокпосты или иначе помогать армии.

Шла уже третья неделя с оружием в руках, но судья оставался на удивление спокойным. На блокпостах, расставленных по всему городу, Мищенко опускал боковое стекло и обменивался шутками с дежурными на заграждениях. В заранее оговоренном месте на окраине города военные встретили Мищенко, чтобы сообщить пароль для блокпостов на сегодня — опасаясь российских диверсантов и онлайн-слежки, украинцы перешли на проверенную временем систему личных встреч.

Мы поехали на север, к линии фронта, по маршруту *Google Maps*, проложенному с айфона. В багажнике лежали несколько метровых дронов с камерами, которые были куплены в местном магазине. Последняя остановка на обочине: наша группа передала командующим с фронта, что мы приближаемся. Страх перед атаками российских диверсантов, действующих на украинской территории, был столь силен, что солдаты могли попросту открыть огонь по машине без предупреждения, даже если она ехала со стороны тыла.

Мы стояли на берегу Днепра и ждали. Солдаты-добровольцы курили, всматриваясь в необъятную синеву водной глади в ярких лучах солнца. Наконец, мы получили добро выдвигаться дальше. Последние пару километров пути лес по обеим сторонам дороги становится все гуще, мужчины включили песню по радио и замолчали. Мы слушали «Как тебя не любить, мой Киев!», песню композитора Игоря Шамо на слова поэта Дмитрия Луценко; в 2014 году эта песня стала официальным гимном столицы. Ратушный тихонько подпевал на переднем сиденьи.

Когда мы подъехали к мосту, прямо за которым окопались российские военные, Мищенко свернул в лес, и машина поехала по узкой размытой дороге. Теперь, когда российская артиллерия была так близко, огонь по машине могли открыть в любой момент. Мы ехали молча. Забравшись на вершину небольшого холма, мы накрыли

машину камуфляжной сеткой. Грохот артиллерии и отдаленных взрывов эхом гулял среди деревьев.

Мищенко, который был в бронежилете всю дорогу, надел еще и шлем; на его левом плече висел автомат Калашникова. Оглядываясь, он зажег сигарету и рассказал, что нарушил зарок не курить. «Пачка в день, может, две. Не знаю, я не считаю, — пояснил он, вздохнув. — Это у меня с сыном был уговор. Я ему говорил, мол, брошу, и бросил. Он очень мной гордился». Впервые за неделю знакомства на лице Мищенко проявилась отчетливая грусть.

Впервые мы повстречались в крошечном киевском кафе, одном из немногих открытых мест посреди опустевших от бомбежек брусчатых улиц центра столицы. Бородатый мужчина в военной форме с Калашниковым наперевес ни капли не был похож на свое собственное официальное фото, на котором он гладко выбрит, одет в элегантную черную мантию с белым жабо. Протиснувшись между кофемашиной и кассой, он прошел через комнату, сел за столик, положил автомат на колени и заказал американо. «Когда началась война, был, кажется, четверг», — начал он.

Судья говорил, что борьба его поколения за демократию в Украине началась восемь лет назад. 22 февраля 2014 года после трех месяцев протестов на Майдане из Киева бежал вместе со своими соратниками президент Виктор Янукович, которого позже обвинят в присвоении госсобственности на сумму до ста миллиардов долларов. В новой реальности для молодых талантливых украинцев

открылись разнообразные новые возможности, особенно в тех институциях, которые традиционно считались закрытыми для посторонних из-за всепроникающих кумовства и коррупции — например, судебная система.

Мищенко, выпускник Киевского университета, был успешным адвокатом, хорошо понимающим необходимость гибкости для достижения реальных изменений: «У меня была своя адвокатская контора, и, как мне кажется, мы привнесли в [судебную] систему нечто новое — новое видение, новые подходы, — объяснял он. — Раньше, если у тебя не было, к примеру, родственников, связей политических, то пути были для тебя закрыты. Потом ситуация поменялась, кто угодно мог стать частью системы». Судьей Мищенко стал в 36 лет и занялся торговыми спорами.

Судья Верховного суда Украины Иван Мищенко. Фото: Стас Юрченко / Грати

В день вторжения российской армии Мищенко был на рабочем месте. Он сорвался домой и вместе с женой

запихал троих детей — двух мальчиков и девочку, им от десяти месяцев до двенадцати лет — в машину. Они проехали 800 километров до польской границы, где Мищенко, не сдерживая слез, попрощался с семьей и поехал обратно, в Киев, по дороге захватив из Львова груз медикаментов. Всех мужчин в возрасте от 18 до 60 лет обязали отметиться в военкоматах, чтобы при необходимости нести службу. Мищенко не думал ждать, пока его вызовут, и сразу записался добровольцем. «Конечно, сначала сказали, что у меня нет военного опыта, — говорил он мне, потягивая американо в кафе. — Собирались направить в штаб, типа, пить кофе и перекладывать бумажки со стола на стол. Поэтому я позвонил Роману, и мы собрали эту группу».

Ратушный также присоединился к нам в кафе тем утром. Он пониже Мищенко, бледен и застенчив — судья пытался его подбодрить то шутками, то тычками в бок, чтобы вовлечь в беседу. Ратушному было шестнадцать, когда Евромайдан захлестнул улицы его родного Киева. Он был вдохновлен этим движением, в котором и получил опыт низовой организации — и, главное, понял, что у него это отлично получается. После смены власти Ратушный создал собственную общественную инициативу [«Защитим Протасов Яр»](#), чтобы судиться с застройщиками, строившими планы по уничтожению крупного парка в Киеве. Застройщик был близким соратником президента Зеленского, и в прошлом году иск попал на рассмотрение к судье Мищенко. В марте 2021 года Ратушного обвинили в вандализме во время акции протеста против застройки парка.

— Из-за активизма я попал пусть и не в тюрьму, но под домашний арест. Может, вы помните эту акцию под Офисом президента?

— Они раскрасили дверь в Офис президента, — вмешался Мищенко, пытаюсь объяснить контекст.

— Не я, а... — иронично вставил Ратушный и засмеялся.

— И полиция решила, что это очень серьезное преступление, — понимающе улыбнулся Мищенко.

Когда военные сказали судье, что на время войны ему придется заняться канцелярской работой, он сразу вспомнил о Ратушном. Революция 2014-го научила целое поколение коллективной самоорганизации и дала четкое понимание: победа всегда возможна.

Мищенко предположил, что такой последовательный активист как Ратушный уж точно окажется в вооруженном сопротивлении — и не ошибся.

Ратушный тогда занимался тем, что закупал в магазинах дроны, чтобы отслеживать по воздуху позиции и передвижения российских военных. Судья и активист решили работать сообща. «В общем, мы просто пришли к военным, к разведчикам, и сказали, мол, у нас есть группа, есть навыки и оборудование, есть машины, дроны, все есть. Какие задания дадите?» — пересказал беседу Мищенко.

Командование предложение приняло, и Мищенко стал ночевать на базе с добровольцами теробороны, решив не возвращаться к себе домой. Судья казался на удивление рассудительным, когда рассказывал о полной трансформации своей жизни. После вопроса,

удалось ли ему перестроиться на военный ритм жизни, Мищенко коротко потупился и ответил после паузы: «Адаптация поместила нас на верхушку пищевой цепи, так? Так что для человека это главный ресурс. Если ты сможешь адаптироваться, сможешь и выжить; сможешь выжить — значит сможешь победить врага».

Вопросы экзистенциального характера занимают многих украинских добровольцев. Когда их спрашивают, зачем они пошли на войну, вопрос кажется неуместным. «Если мы проиграем эту войну, не будет Украины. Поэтому все очень просто: жизнь или смерть, — сформулировал Мищенко. — Будет у нас страна — или не будет ее совсем? Потому что ясно, что Россия все уничтожит. Она всегда так делает — просто уничтожает».

По словам судьи, боевой дух ему помогает поддерживать не только товарищеская поддержка в рядах добровольцев теробороны, но и понимание, что вся семья находится за пределами Украины. «Главное для меня — знать, что они в безопасности, — сказал Мищенко. — Так что для меня все проще». Он не стал говорить, куда конкретно в Европе поехала его жена с детьми. Казалось, ему некомфортно о них говорить, не столько из страха за их безопасность, сколько из-за того, что он сильно скучал. Стоило задать пару вопросов о семье, как судья сменил тему.

В лесу у линии фронта Мищенко открыл багажник и достал оттуда небольшой дрон — он попросил не описывать устройство подробно и не называть производителя из опасений, что российские военные

смогут его отследить или взломать. Ратушный скрылся за деревьями, но через несколько минут вернулся с молодым солдатом. Они повели нас на вершину холма. С восточной стороны доносились звуки разрывов снарядов. Украинцы боялись, что россияне заметят дрон и начнут обстреливать из артиллерии то место, откуда он поднялся в воздух, объяснял Ратушный, стоя на коленях в мягкой густой траве перед дроном. При взлете девайс жужжит и разбрасывает листья и ветки вокруг себя, потом поднимается к кронам деревьев и исчезает в небе, устремившись в направлении деревни, захваченной российской армией. Солдаты теробороны хотели установить дом, в котором расположились российские военные. Кадры с дрона уже можно передать командованию в Киев, чтобы повысить точность ударов украинской артиллерии. В 2022 году такие вещи кажутся совсем базовыми, но они имеют большое значение для обороны страны.

Пока Ратушный управлял дроном, Мищенко предложил отвести меня на передовую и познакомиться с военными из 72-ой механизированной бригады. Всего несколько минут по лесу, и мы наткнулись на отряд — настолько хорошо замаскированный, что его было практически не разглядеть. Шестеро мужчин с ввалившимися щеками и испачканными лицами поднялись из окопа и тепло поприветствовали судью. На плитки для готовки, баки с водой и мотоцикл были наброшены ветки. Сцена напоминала войны столетней давности, только в этот раз на земле у дерева лежала современная установка для запуска противотанковых ракет. Это высокотехнологичное оружие, которое

производят в основном США и Великобритания, Украина получила в виде военной помощи. Эти ракеты помогли этим изможденным солдатам не допустить захвата столицы. Трубы длиной в полтора метра легко переносить и просто использовать: с их помощью солдат может подбить танк или бронемашину — и даже вертолет. Через несколько минут нам велели уходить: украинские власти запретили репортерам длительное время присутствовать в воинских частях. Командир отряда явно чувствовал себя неуютно от нашего присутствия.

Когда мы вернулись к машине, Ратушный и Сержант отсматривали снимки на маленьком экране дрона, который теперь лежал на капоте машины. Ратушный был разочарован: обнаружить позиции войск за этот вылет не удалось. На обратном пути в Киев мужчины обсуждали, что это может означать. «Вероятнее всего, что они отступили, но оставили часть сил, чтобы отвлечь внимание наших», — предположил Ратушный. Спустя несколько дней спутниковые снимки подтвердили, что российские военные действительно отступили из этого района и больше не пытаются штурмовать Киев. Вместо этого российская армия решила сконцентрировать силы на востоке Украины. Данные разведки нашего небольшого подразделения подтвердились.

Через пару дней встреча с судьей проходит уже у него дома, в историческом центре Киева. С начала войны он был здесь лишь один раз, чтобы захватить вещи. «Мне не нравится здесь. Слишком тихо», — сказал он, стоя на пороге между гостиной и

прихожей, где в тишине стояла детская обувь и висели пальто. Его квартира располагается в доме девятнадцатого века с роскошным фасадом, при ремонте в интерьер вписали кирпичную кладку и черный кованый чугун. Кафельный пол в гостиной покрыт ковриками, чтобы на них могли сидеть дети, на полу и на диване разбросаны игрушки, детская одежда в куче у кресла — явный признак поспешных сборов. На кухне расположились кухонный островок с металлической столешницей и красными акцентами, шкафчики и обеденный стол с детским сиденьем с краю. «Не фотографируйте его, пожалуйста, — вмешался Мищенко. — Не хочу, чтобы он попал на фото пустым».

Когда Мищенко стоял в своей пустой квартире, на его лице снова проступило печальное выражение, второй раз за время нашего знакомства. «Мне все кажется, что сын выбежит из-за угла, — пояснил он, показав на гостиную. — Он всегда меня встречал, когда я приходил домой».

Мищенко собирается вернуться к работе в суде, когда закончится война. «Надеюсь. Я скучаю по своей работе, — говорит Мищенко. — Порой, особенно было такое в первую неделю, я даже думаю о тех делах, с которыми работал. Думал, в духе, вот тут стоило на такой-то прецедент сослаться». На мгновение он замолк. «Я хочу, чтобы моя семья вернулась домой. Хочу нормальной, мирной жизни. Но сначала — важное общее дело».

Через три дня после этого разговора Мищенко и Ратушного официально зачислили

в ряды 93-й механизированной бригады, теперь они профессиональные военные. Адаптация продолжается.

Автор: Джейн Фергюсон.

Оригинал: *"A Ukrainian Judge Joins the Nation's Ferocious Resistance"*; [*New Yorker*](#), April 11, 2022.

Перевод: Э. Б.